

КОНКУРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИЙ В УСЛОВИЯХ BREXIT

Валерия Игоревна Барциц

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
vbarcic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2400-4834>

Аннотация. Одной из черт современной модели взаимодействия правовых систем является конкуренция национальных юрисдикций. Стремясь обеспечить привлекательность своих юрисдикций, государства используют различные методы, направленные на повышение эффективности функционирования судов. На конкуренцию юрисдикций активно влияют политические процессы. Ярким примером воздействия политики на вопросы юрисдикции стал Brexit. Статья преследует цель рассмотреть актуальные вопросы, обусловленные выходом Великобритании из единого правового пространства ЕС, с точки зрения функционирования системы гражданского судопроизводства, последствия этих процессов для механизмов выбора юрисдикции. Посредством использования сравнительно-правового метода, изучены последствия процессов Brexit для российских компаний и перспектив развития российской юрисдикции, в том числе в связи с: а) сохраняющейся практикой разрешения споров между российскими компаниями или же российскими бизнесменами в Лондоне; б) новыми условиями конкуренции между британскими и европейскими, прежде всего французскими, судами за привлечение в свои юрисдикции; в) необходимостью разрешения споров по целому ряду актуальных вопросов, в том числе вызванных осложнением геополитической обстановки, затрагивающих государственные интересы России и интересы российского бизнеса; г) научным и практическим интересом для становления системы разрешения противоречий между компаниями стран СНГ в современных условиях. Использованы материалы британской и европейской правовой литературы, доклады Комиссии Совета Европы по эффективности правосудия, экспертные заключения российских и европейских юристов. Среди выводов – практические рекомендации по повышению конкурентоспособности российской юрисдикции, защите интересов России в юридической сфере. Обосновывается необходимость развития сотрудничества российской судебной системы с судами ЕАЭС и стран ЕАЭС, формирования системы судов по разрешению экономических споров, которые бы способствовали переводу значимых гражданско-правовых дел в российскую юрисдикцию или юрисдикцию ЕАЭС.

Ключевые слова: национальная юрисдикция, конкурентоспособность и привлекательность национальной юрисдикции, конкуренция юрисдикций, выбор юрисдикции, диалог судей

Для цитирования: Барциц В. И. Конкуренция европейской и британской юрисдикций в условиях Brexit // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 109–119. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-109-119>

Problems of Civil, Business and Private International law

Original article

COMPETITION BETWEEN EUROPEAN AND UK JURISDICTIONS IN THE CONTEXT OF BREXIT

Valeriya I. Bartsits

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
vbarcic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2400-4834>

Abstract. One of the features of the modern model of interaction between legal systems is the competition between national jurisdictions. The states use different methods to improve the efficiency of their courts in order to make their jurisdictions more attractive. The competition between jurisdictions is actively influenced by political processes. A striking example of the impact of politics on jurisdictional

issues is Brexit. This article aims to consider the topical issues caused by the UK's exit from the single legal space of the EU in terms of the functioning of the civil justice system, the consequences of these processes for the mechanisms of choice of jurisdiction. Using the comparative legal method, this article explores the consequences of Brexit for Russian companies and Russia's jurisdiction, including in connection with: a) the continuing practice of dispute resolution between Russian companies or Russian businessmen in London; b) the new conditions of competition between British and European, especially French, courts for attraction to their jurisdictions; c) the need for dispute resolution on a number of pressing issues, including those caused by the complicated geopolitical situation. The materials used include UK and European legal literature, the reports of the Council of the European Commission for the Efficiency of Justice and expert opinions of Russian and European lawyers. The conclusions include practical recommendations on how to improve the competitiveness of Russia's jurisdiction and protect Russia's interests in the legal sphere. This article highlights the need to develop cooperation between the Russian court system and courts of the EAEU and EAEU countries, to create a system of economic dispute resolution courts, which would foster the transfer of important civil cases to the Russian jurisdiction or the jurisdiction of the EAEU.

Keywords: national jurisdiction, competitiveness and attractiveness of national jurisdiction, competition between jurisdictions, choice of jurisdiction, dialogue of judges, Brexit

For citation: Bartsits V. I. Competition between European and UK Jurisdictions in the context of Brexit. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):109–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-109-119>

Введение. Современный европейский континент вполне обоснованно называют «перекрестком прав» [1]. Действительно, в Европе сформировались различные правовые семьи и различные правовые системы. Правовое регулирование даже в странах, относящихся к одной правовой семье, нередко существенно различается. До начала процессов формирования крупных интеграционных межгосударственных объединений, роста международной торговли и экономического сотрудничества государств представление правил и принципов, которыми определялся выбор юрисдикции, было бы весьма лаконичным. И это не какая-нибудь доисторическая эпоха: речь идет о ситуации конца 1960-х – начала 1970-х гг. Существовавший в то время экономический оборот вполне удовлетворялся регулированием рядом соглашений в рамках международного частного права. Прежде всего имеются ввиду нормы, определявшие выбор суда и преодоление возникающих коллизий.

Формирование Европейского Союза, его поэтапное расширение привело к резкому усложнению регулирования правил выбора юрисдикции, принятию ряда важнейших конвенций и соглашений в рамках ЕС и за его пределами. Начавшееся в 1970-е гг. поступательное расширение правового регулирования вопросов юрисдикции было осложнено выходом Великобритании из состава ЕС (Brexit) в 2016–2020 гг. В это время на востоке Европейского континента происходит разрушение Союза ССР, вхождение России в Совет Европы в 1996 г. и выход из него в 2022 г., формирование рядом бывших постсоветских республик нового экономического объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Отмеченные политические процессы привели к необходимости решения многих ситуаций и споров в области экономики, прав человека и гражданских состояний.

Вопрос развития юрисдикций, применяемых различными правовыми системами юридических конструкций чрезвычайно интересен как с точки зрения истории права, так и современной компаративистики. Необходимость взаимодействия государств и компаний в сложных политических условиях предопределяет внимание к вопросам выбора юрисдикции, повышения привлекательности национальной российской юрисдикции, качества судопроизводства. Особенно тщательно к вопросам юрисдикции, исполнения или неисполнения решений иностранных судов следует относиться в современных сложных геополитических условиях, когда и в этих условиях российские юристы призваны отстаивать интересы государства, бизнес-компаний и российских граждан в различных судебных и арбитражных инстанциях, расположенных как в Российской Федерации, так и за рубежом.

Brexit и его влияние на процессы выбора юрисдикции

23 июня 2016 г. в центре «правового перекрестка» произошло крупное происшествие: в ходе референдума 51,9 % британцев проголосовали за выход Великобритании из Европейского Союза. В полночь по центральноевропейскому времени с 31 января на 1 февраля 2020 г. было прекращено членство Великобритании в Европейском Союзе. 24 декабря 2020 г. официальные лица Великобритании и Европейского Союза подписали Соглашение о торговле и сотрудничестве. Насчитывавшее более 1 200 страниц оно было призвано решить целый ряд вопросов сосуществования и сотрудничества Великобритании и Европейского Союза после Brexit. С высокой долей английского юмора один из ведущих современных британских цивилистов А. Бриггс представил следующий перечень задач: «1) положить четкий и видимый конец свободному передвижению людей между Великобританией и ЕС; 2) препятствовать свободному перемещению товаров между двумя сторонами; 3) нанести ущерб национальному богатству, полученному от трансграничных финансовых и профессиональных услуг; 4) убежать от надзора ненавистного Европейского суда; и 5) в акте особой злобы уничтожить программу, с помощью которой студенты британских университетов расширяют свой кругозор в рамках программы, названной в честь Эразма» [2, XXVII].

Не дискутируя с цитируемым автором о целях Brexit, следует отметить, что в этом Соглашении не были разрешены вопросы соотношения британской и европейской юрисдикций в вопросах гражданского судопроизводства. Несмотря на кажущуюся неактуальность данного вопроса для современного российского правоведения и правоприменения, следует признать не только теоретико-правовой интерес к происходящим процессам, но и возможность выработки практических рекомендаций, направленных на развитие российской юрисдикции, формирование инструментов сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза.

Правовые акты, регламентирующие выбор юрисдикции в ЕС

В Европейском Союзе (ЕС) вопрос выбора юрисдикции определяется:

а) Регламентом «Брюссель Ibis» – Регламент (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2012 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (в новой редакции)». Регламент «Брюссель Ibis» заменил Регламент Совета (ЕС) № 44/2001 от 22 декабря 2000 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (Регламент «Брюссель I»), который в свою очередь заменил Конвенцию от 27 сентября 1968 г. «О юрисдикции и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (Брюссельская конвенция);

б) Луганской конвенцией – Конвенция «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам», подписанная 30 октября 2007 г. (Луганская конвенция 2007 г.), которая заменила Конвенцию о юрисдикции и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам, подписанную 16 сентября 1988 г. (Луганская конвенция 1988 г.). Луганская конвенция распространяется на государства-члены Европейского союза, а также Исландию, Норвегию и Швейцарию.

Поскольку Луганская конвенция 2007 г. по существу в значительной степени сходна с Регламентом «Брюссель I», для обозначения всех этих документов используется собирательный термин «Брюссельский режим». Эти нормативные акты являются основным источником правил по выбору юрисдикции и исполнению иностранных судебных решений;

в) Регламентом «Рим I» – Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам»;

г) Регламентом «Рим II» – Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам».

Брюссельский режим направлен на обеспечение свободного обращения судебных решений и устанавливает единые правила международной юрисдикции в большинстве гражданских и коммерческих споров, рассматриваемых судами ЕС. Хотя в отношении некоторых споров

действует исключительная юрисдикция, в остальных случаях стороны могут выбрать суд по взаимному согласию. Регламент также устанавливает другие правила о юрисдикции, которые применяются по умолчанию. По общему правилу, ответчик привлекается к ответственности в государстве-члене, в котором он постоянно проживает, независимо от гражданства. Для того чтобы обеспечить надлежащее отправление правосудия, Регламент «Брюссель Ibis» устанавливает особые правила, в соответствии с которыми разрешается также подавать иски в суды других государств-членов, отличных от страны постоянного проживания ответчика.

В Регламенте «Рим I» рассматривается право, применимое к договорным обязательствам в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом. Одним из ключевых принципов этого регламента является предоставляемая сторонам свобода выбора применимого права. Если стороны не выбрали право, применимое к договору, используются критерии выбора применимого права для соответствующего типа договоров. Как правило, применяется право государства, где находится обычное место жительства стороны, которая должна осуществить «характерное исполнение» договора, за исключением случаев, когда договор явно имеет более тесные связи с другой страной или невозможно определить, в чем заключается «характерное исполнение договора».

В Регламенте «Рим II» рассматривается право, применимое к внедоговорным обязательствам в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом.

В условиях Brexit устоявшие и широко применявшиеся инструменты оказались в ситуации правовой неопределенности. Преодолеть ее был призван Закон Великобритании об осуществлении Гаагских конвенций 1996, 2005 и 2007 гг. и об обеспечении выполнения других международных соглашений по международному частному праву (краткое название «Закон о международном частном праве (выполнении соглашений) 2020 г.»)¹, в котором были сформулированы основные подходы применительно к сочетанию британской и европейской юрисдикций в условиях Brexit. Среди них следует выделить:

- а) сохранение действия в Соединенном Королевстве права ЕС (законодательство, прецедентное право, общие принципы европейского права), действовавшего на день выхода из ЕС;
- б) законы ЕС имеют силу национального закона;
- в) сохраняется значение прецедентов (принципов и решений судов Великобритании и Европейского суда) в том виде, в каком они вступили в силу до даты Brexit;
- г) толкование права ЕС на территории Великобритании после Brexit должно осуществляться на основе общих принципов права ЕС;
- д) общие принципы права ЕС применяются в качестве действующего права и после Brexit, если только они были признаны таковыми до даты Brexit;
- е) сохраняется принцип верховенства права ЕС на законы, принятые до даты Brexit (принцип верховенства права ЕС не распространяется на законы, принятые после Brexit). Однако такие законы могут быть изменены или отменены, «если они не будут действовать эффективно или будут содержать недостатки».

Особого внимания заслуживают принципы разрешения вопроса о влиянии решений Суда ЕС на английские суды:

- а) английский суд не связан каким-либо решением Европейского суда, принятым после Brexit;
- б) английский суд вправе ссылаться на законы и решения, принятые после даты Brexit в том случае, «если это уместно»;
- в) английский суд не имеет права после даты Brexit ссылаться на Европейский суд.
- г) высшие суды Англии не связаны законодательством ЕС, даже сохранившим свое действие в Великобритании после даты Brexit. При этом при принятии решений об отступлении от действующего права ЕС Верховный суд должен использовать критерий, который он применяет, когда ему предлагается отступить от одного из своих собственных решений.

¹ <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/24/section/1/enacted>

Позиции стран по возвращению Великобритании в «рамки Лугано»

Как видим, Великобритания достаточно подробно законодательно закрепила модель соотношения европейской и британской юрисдикций в выгодном для себя варианте. Выйдя из ЕС, Великобритания вышла из Луганской конвенции и практически сразу же (8 апреля 2020 г.) подала заявку на присоединение к ней. Тем самым Великобритания продемонстрировала готовность действовать по модели стран, входящих в Луганскую конвенцию, но не являющихся членами ЕС (Норвегия, Исландия, Швейцария), и сохранить преимущества нахождения в едином пространстве гражданского судопроизводства.

Но Великобритания не предусмотрела, что страны ЕС не готовы к столь комфортному для нее варианту развода юрисдикций и рассчитывают использовать сложившуюся ситуацию как в общеполитическом контексте, так и в конкурентной борьбе за привлечение в свои юрисдикции экономически и политически значимые категории дел. Европейская комиссия отклонила заявку и рекомендовала государствам-членам ЕС принять аналогичное решение. Сославшись на то, что отныне Великобритания для стран ЕС «третья страна», отношения с ней в области гражданского судопроизводства должны регулироваться Гаагскими конвенциями. Но Гаагские конвенции не препятствуют рассмотрению параллельных судебных дел в конкурирующих юрисдикциях и являются менее универсальными с точки зрения предметов регулирования. Более того, исполнение судебных решений на их основе более труднореализуемое.

По мнению главы Международного юридического сообщества Англии и Уэльса М. Лоранса: «Потеря рамки Лугано означает возврат к национальным законам каждой отдельной страны, чтобы решить, какой суд обладает юрисдикцией в отношении юридического вопроса и будет ли решение признано и приведено в исполнение... Это также делает судебные разбирательства недоступными для всех, кроме самых глубоких карманов – самые богатые корпорации и частные лица по-прежнему смогут отстаивать свои права»¹.

К определенным, однако крайне незначительным, потерям готовы и в самой Великобритании: «действие английских судебных решений в Европе, за исключением тех судебных решений, к которым будет применяться Гаагская конвенция о выборе суда, будет уменьшено. Для семи стран (Австрии, Бельгии, Франции, Германии, Италии, Нидерландов и Норвегии) существующие двусторонние договоры, которые были введены в действие в соответствии с Актом 1933 г., но которые были маргинализированы во время применения правил Брюсселя и Лугано, возобновят свою первоначальную сферу применения; еще два (Кипр и Мальта) будут подпадать под действие законодательства, соответствующего Акту 1920 г. В остальном ответ будет зависеть от хаотичного разнообразия норм международного частного права иностранных государств. Однако в любом существенном случае принудительное взыскание в Лондоне (в отношении долгов, должников, будущих долгов и других активов) обычно возможно. Любые ограничения на такие меры, как долговые распоряжения третьих лиц или назначение конкурсного управляющего путем справедливого исполнения..., будут сняты. А снижение исковой силы в отдаленных уголках Восточной Европы, пожалуй, потеря скромных размеров» [2, с. 23].

Более того, Великобритания намерена использовать избавление от пут европейского права для повышения привлекательности своей юрисдикции. Действительно, отсутствие необходимости многолетних согласований с интересами многочисленных стран ЕС той или иной поправки в законодательство может существенно облегчить развитие правового регулирования, ускорить принятие необходимых законов, в том числе и в сфере гражданского судопроизводства.

Со своей стороны готовятся к политическим и судебным баталиям континентальные правоведы. В серии статей по исследованию процессуального права Института Макса Планка в Люксембурге утверждается непригодность Луганской конвенции для использования в качестве моста между Великобританией и ЕС после Brexit на том основании, что вдруг стала явной несовместимость общего права с континентальной правовой системой, в том числе в вопросах

¹ www.express.co.uk/news/politics/1435632/lugano-convention-what-is-it-why-important-uk-post-brexite-laws-evg

юрисдикции [3]. Странность подобных заключений очевидна: ведь на протяжении предшествовавших почти 50-ти лет (с 1972 г.) система английского общего права вполне сносно и эффективно уживалась с европейскими юрисдикциями. Более того, именно Лондон считался неофициальным центром для решения наиболее крупных и ярких исков: от корпоративных споров до бракоразводных процессов.

Политика Франции по блокированию возврата Великобритании к Луганской конвенции 2007 г. в качестве полноправного участника – часть борьбы по ослаблению позиций конкурента при разрешении коммерческих споров. В то время, когда скандинавские, балтийские страны и Нидерланды поддерживают возвращение Великобритании к Луганской конвенции, Франция решительно поддержала линию Еврокомиссии и отвергла присоединение Великобритании к ней. По мнению Хосепа Гальвеса, испанского судьи и эксперта по коммерческому арбитражу: «Это способ наказать Великобританию за выход из Евросоюза, но и очень хорошая возможность для некоторых юрисдикций ЕС привлечь международные судебные разбирательства в свои суды»¹.

Конкуренция в сотрудничестве

Таким образом, одним из возможных последствий Brexit могут стать если и не кардинальные, то достаточно существенные изменения в конкуренции судебных институтов континентальной Европы и Великобритании. Возможно цинично, но речь идет о конкурентной борьбе судебных институтов, очень похожей на конкуренцию бизнес-компаний. В этом нет ничего предосудительного: оплата судебных издержек, услуг адвокатских и консалтинговых бюро, внимание прессы и имиджевые плюсы. Юридический бизнес, вращающийся вокруг коммерческих судов, – значимая часть экономики. Хотя главное все же в возможности принятия судебных решений (нередко по многомиллиардным делам) в соответствии с нормами своего национального права. Нельзя полностью исключить и возможности принятия судебных решений в интересах «своих» компаний и «своего» бизнеса. Сколько бы теоретики права не говорили об абсолютной беспристрастности судов при принятии решений на основе принципов объективности, справедливости и законности, что при этом не учитывается национальная (в смысле государственная) принадлежность компаний или спорящих сторон, судебная практика свидетельствует об обратном. Как правило, ангажированные решения принимаются со ссылками на оговорку о публичном порядке, уважении к выработанным той или иной правовой системой правовым принципам.

Например, самоуважение французской юрисдикции наглядно проявляется в вопросе исполнения или неисполнения решения иностранного суда в случае его противоречия материальному публичному порядку. Хотя французская судебная практика не представила однозначного понимания материального публичного порядка, французские суды исходят из принципа, что «система принципов и ценностей, составляющая французский публичный порядок, не может не признаваться даже в международных делах» [4, с. 28]. Этот принцип нашел свое отражение во многих решениях высших судебных инстанций Франции, утверждая посредством судебных решений линию французского права на экстраполирование французских правовых ценностей и принципов за пределы национальных границ. Правоведы вполне обоснованно относят французскую правовую систему к числу так называемых «великих правовых систем современности» (*Grands systèmes de droit contemporains*).

Убеждение в особой значимости принципов и ценностей французского публичного порядка, восходящих к принципам и ценностям *la Révolution française*, можно признать одной из черт французской национальной правовой идентичности. Это понимание предопределяет подход, согласно которому «отказ от выдачи экзекватуры на исполнение иностранного решения может быть осуществлен как по причине противоречия решения международному публичному порядку, так и по причине нарушения им основополагающих принципов и ценностей права Франции [7, с. 28].

¹ <https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/evrokomissija-otkazala-velikobritanii-v-prisoedinenii-k-konvencii-po-brakorazvodnym-processam/>

Свои преимущества для перемещения рассмотрения коммерческих споров из Лондона на европейский континент готовы предложить суды Германии, стран Бенилюкса, Швейцарии. Современным экспертам еще только предстоит проанализировать сумеют ли судебные инстанции ЕС перехватить часть «бизнеса» Коммерческого суда Лондона (Commercial Court in London). Пока же клиенты британских судов сохраняют преданность Лондону: уже в следующем после Brexit году число спорщиков в Коммерческом суде Лондона возросло на 22 %, при этом почти 60 % участников – иностранцы, сами британцы составили 40,7 % спорщиков. Другой конкретный аспект «судебного бизнеса»: суды Англии и Уэльса рассматривают около 25 000 разводов с участием иностранных граждан ежегодно. То есть мнение скептиков, что Brexit будет способствовать оттоку заявителей из британских суд пока не находит подтверждения.

Российская доля в британском «судебном бизнесе»

Российские компании и бизнесмены составляют значимую часть среди клиентов британской юстиции (россияне конкурируют с казахстанцами за второе место по количеству дел с участием иностранцев в британских судах, первое место традиционно принадлежит американцам). В российской юридической прессе следят за многочисленными примерами споров российских бизнесменов в английской юрисдикции. Обращает на себя внимание странность ситуации, когда в ней продолжают рассматриваться не только ранее инициированные споры, но и подаются новые иски. Наглядными примерами такого выхода из российской юрисдикции являются следующие случаи:

1) «Два российских олигарха хотят, чтобы судья Высокого суда разрешил их спор по поводу московской фабрики, сообщает корреспондент газеты. Речь идет о фабрике «Трехгорная мануфактура» в центре Москвы, в которую вложили деньги в 2001 г. Олег Дерипаска и Владимир Чернухин, о котором в России сейчас мало кто помнит. Наличие третьей стороны, Лолиты Данилиной, бывшей любовницы Чернухина «еще больше драматизирует ситуацию», – отмечает автор статьи в «The Times» 28 ноября 2018 г. Шон О'Нил (Sean O'Neil) [5];

2) В октябре 2022 г. началось рассмотрение спора двух крупнейших российских металлургических компаний. Российская компания «RUSAL» (6 % мирового рынка алюминия), руководимая российским предпринимателем Олегом Дерипаской, подала иск к президенту российской компании «Норильский никель» (10 % мирового рынка никеля, 40 % мирового рынка палладия, 11 % мирового рынка платины) российскому предпринимателю Владимиру Потанину. В этом не было бы ничего достойного внимания, если бы не место, куда был подан иск – Высокий суд Лондона. Дополнительный интерес ситуации придает тот факт, что оба российских предпринимателя находятся под санкциями Великобритании.

Согласно данным британского консалтингового агентства Portland россияне уверенно входят в тройку самых активных спорщиков в Коммерческом суде Лондона, уступая лишь британским и казахстанским компаниям. Наглядным примером может стать выписка из обзора Portlend, где обе стороны были обезличены: «Истец: – К (компания, которой владеет российский бизнесмен Y). Ответчик – S (российский бизнесмен)».

Среди факторов, которыми российские адвокаты (например, А. Панич, И. Рачков, И. Тертычный)¹ оправдывают подобную привязанность к британскому правосудию есть вполне объективные: нахождение истца на территории Великобритании (нередко скрывающего от российского уголовного правосудия), регистрация компании в Великобритании или ЕС, нахождение капиталов за пределами России. Очевидно, что в этих случаях эффективность судебного решения российского суда будет значительно ниже в части его исполнения. Но признаются и иные факторы привлекательности британской юрисдикции: высокое качество и относительная быстрота рассмотрения сложных коммерческих дел, возможность получить решение о заморозке активов ответчика, что невозможно в российском суде, жесткие обеспечительные меры, принимаемые британскими судами.

И все же возникает вполне обоснованный вопрос: является ли Англия в приведенных случаях, а также во многих других, естественным местом для судебного разбирательства?

¹ <https://www.rbc.ru/economics/29/05/2018/5b0bf85e9a7947dde3239724>

Интересна реакция властей Казахстана на резкое увеличение количества исков между казахстанскими компаниями, которые рассматриваются в Великобритании. Оценив опасности выведения значимых (как финансово, так и политически) юридических споров за пределы республики, власти Казахстана приняли решение создать в столице страны г. Астане при международном финансовом центре специализированный арбитражный суд, в котором решение принимается британскими арбитрами на основе норм и принципов английского общего права, а также «лучшей международной практики». Этот своего рода выездной британский суд, не являющийся частью судебной системы Казахстана, но принимающий свои решения на территории Казахстана, был создан в 2018 г. и функционирует под названием «Суд Международного финансового центра «Астана». За первые три года им рассмотрено 15 дел. Свои перспективы МФЦА связывает не только с разрешением споров казахстанских компаний, но и компаний из России и стран Центральной Азии.

Отношение российских экспертов к реализуемой в Казахстане модели функционирования «Суда Международного финансового центра «Астана» не может быть однозначным по целому ряду обстоятельств. В некоторой степени эта модель воспроизводит ту, которая обсуждалась в России в 2008-2012 гг. в рамках проекта формирования международного финансового центра в Москве и выведении этого центра из-под действия национального права и применения иностранного права при разрешении споров. Так, в уставных документах суда в Астане определено, что его деятельность осуществляется на основе норм английского общего права и «лучших международных практик». Прежде всего, в высшей степени неопределенно звучит само положение «лучшие мировые практики» (еще более неопределенно, чем «нормы английского общего права»). Нет уверенности в абсолютной беспристрастности английских арбитров, которые составляют состав суда.

Памятуя, что подобная модель была отвергнута в России как неприемлемая, нельзя просто не заметить попытку ее реализации в соседней стране, являющейся одним из ключевых российских партнеров. Следует рассмотреть использование опыта деятельности этого суда и иных работающих на похожих принципах судебных и квазисудебных органов для повышения привлекательности юрисдикции ЕАЭС и российской юрисдикции.

Перспективы российской юрисдикции в сложившихся условиях. Перипетии франко-британского спора за долю в судебном бизнесе интересуют россиян не только с точки зрения перспектив для крупнейших российских бизнесменов рассматривать свои споры в той или иной юрисдикции. Скорее наоборот, изучение этой практики побуждает к разработке комплекса мер по ограничению подобного бегства из российской юрисдикции. Следует внимательно изучить предложения по закреплению исключительной компетенции российских судебных (арбитражных) органов при рассмотрении некоторых видов экономических споров, а также споров с участием российских государственных компаний или компаний с государственным участием. В контексте настоящей статьи речь идет о дополнительном доводе в пользу повышения привлекательности российской национальной юрисдикции.

Россия в актив своей юрисдикции может записать центральное место в системе политических и экономических взаимосвязей на постсоветском пространстве, развитую информационно-технологическую инфраструктуру, ключевую роль в таких межгосударственных объединениях, как Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС. Безусловно, события 2022 г., в том числе выход России из Совета Европы и, как следствие, из-под действия юрисдикции Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), оказывают существенное влияние на перспективы взаимодействия российской и европейской юрисдикций. Но при всей значительности произошедших событий они не меняют общей направленности политики по повышению качества национальной российской юрисдикции.

Критика российской юрисдикции с точки зрения ее привлекательности и конкурентоспособности зачастую оправдана [6]. Но нельзя не замечать результативность предпринятых усилий по развитию российской юрисдикции, в том числе в рамках «Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений на период 2011 – 2020 годы».

Конкретные позитивные результаты нашли отражение в последнем из докладов Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы (доклад 2020 г.), в котором судебная система России была признана наиболее технологически развитой и наименее финансово затратной в сравнении с судами 47 западных государств. Отмечается незначительный средний срок рассмотрения гражданских дел и экономических споров в России – 50 дней (при среднеевропейском показателе в 233 дня), интенсивность поступления в суды административных дел (первое место), гражданских дел и экономических споров (шестое место)¹. В докладе 2020 г. были впервые представлены оценки эффективности использования в ходе судебной деятельности современных технологий. По всем показателям Россия получила высокие оценки².

Какие уроки из конкуренции юрисдикций для себя может извлечь Россия? На постсоветском пространстве постепенно формируется новая система разрешения коммерческих споров между компаниями из стран Содружества Независимых Государств и формирующихся интеграционных объединений. Основным среди таких интеграционных объединений выступает Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который входят 5 стран (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия). Хотя в компетенцию Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не входит надделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС, в перспективе по мере и в случае действительного развития интеграционных процессов в рамках этого межгосударственного объединения надлежит кардинально пересмотреть роль судебных институтов ЕАЭС. Усиление влияния Суда ЕАЭС, формирование системы разрешения споров между компаниями входящих в это интеграционное объединение стран в перспективе может стать значимым фактором развития экономического сотрудничества.

В становлении системы взаимодействия российской юрисдикции и юрисдикции судов ЕАЭС, иных потенциальных интеграционных перспективно использование механизмов «диалога судей». Подлинной движущей силой диалога является конкуренция между юрисдикциями, борьба за влияние в правовом пространстве, продвижение своих моделей разрешения споров, основанных на национальном опыте и правовых традициях. Суду ЕАЭС следует воспринять ту настойчивость, с каким Суду Европейского Союза удалось утвердить феномен «право Европейского Союза» как самостоятельную правовую систему, существующую сверх и наряду с национальным правом стран Европейского союза и параллельно и вместе с международным правом. При своем развитии суды интеграционных объединений должны опираться на поддержку высших судов стран-участниц. Повышению привлекательности российской юрисдикции и юрисдикции интеграционного объединения ЕАЭС может способствовать формирование системы специальных третейских судов, инвестиционных арбитражей. Одним из вариантов постепенного уменьшения количества дел с российским участием в судах Великобритании и стран ЕС может стать сотрудничество с судебными системами стран ЕАЭС.

Хотя не следует исключать и конкуренцию юрисдикций среди стран ЕАЭС, прежде всего следует отметить активную политику Казахстана как по развитию своей судебной системы, так и по формированию независимых от судебной системы страны учреждений по разрешению экономических споров. Не следует также исключать перспективу формирования в России квазисудебных органов, различных институтов судов *ad hoc*, использующих в том числе международные практики урегулирования экономических споров.

Для постепенного уменьшения соблазна российских компаний разрешать свои споры в английских судах (в конкурентную борьбу за эти споры, вернее за финансовые возможности, которые сопровождают их разрешение) готовы включиться судебные институты других европейских государств) надлежит принять ряд мер как побудительного, так и ограничительного (запретительного) свойства.

¹ <https://rg.ru/2020/11/05/sudebnaia-sistema-rossii-priznana-naibolee-effektivnoj-v-evrope.html>

² Доклад Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы. <https://rm.coe.int/rapport-evaluation-partie-1-francais/16809fc058>

К ограничительным (запретительным) мерам можно отнести, например: закрепление исключительной компетенции российских судебных (арбитражных) органов при рассмотрении некоторых видов экономических споров, а также споров с участием российских государственных компаний или компаний с государственным участием. На первом этапе ввести запреты на рассмотрение споров в иностранных юрисдикциях возможно для предприятий и компаний, имеющих стратегическое значение. Дискуссии на эту тему длятся уже не первое десятилетие. Так, А. Н. Жильцов и Б. Р. Корабельщиков еще в 2009 г. предлагали закрепить за российскими судами право признать ничтожными сделки в отношении иностранных инвестиций, которые были заключены без предварительного согласования с Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации [7, с. 141–162]. Конечно, применение ограничительных мер является не оптимальной мерой правового регулирования, также очевидно, что ограничительными (запретительными) мерами трудно добиться истинной привлекательности национальной юрисдикции, но жесткость современной конкуренции юрисдикций не исключает возможности обращения и к подобным инструментам.

В условиях санкций в качестве альтернативы рассмотрению споров в Лондоне или в рамках российской судебной системы выступают арбитражные институты стран, не вводивших санкции против России: Турции (Стамбульский арбитражный центр ISTAC), Объединенных Арабских Эмиратов (DIFC в Дубае), Гонконге (Международный арбитражный центр Гонконга (HKIAC)). Среди плюсов Гонконгского HKIAC можно отметить наличие статуса постоянно действующего арбитражного учреждения в России и следование нормам английского права. Турецкий ISTAC функционирует на правилах и нормах, близких к швейцарскому закону о международном частном праве, а регламент суда основан на Типовом законе *UNISRAL* и регламенте Международной торговой палаты.

Выводы: «Международное рассмотрение споров — это рынок, как и арбитраж; и было бы желательно иметь возможность свободно адаптироваться к тому, что хотят клиенты,» — утверждает А. Бриггс [2, с. 23], пытаясь найти позитивное начало в процессах *Brexit* для британской юрисдикции. И все же в современных геополитической обстановке следует ожидать существенного ослабления позиций ведущих юрисдикций по мере роста влияния и самостоятельности юрисдикции развивающихся стран. Уже сегодня привлекательность юрисдикций стран, пользующихся правовым авторитетом и экономическим мощью, испытывает сильное давление. Например, даже в Великобритании начинают говорить о росте неудовлетворенности иностранных субъектов качеством функционирования английской юрисдикции [8]. В условиях *Brexit* эти голоса стали звучать еще громче, что может обуславливать возникновение экономического интереса к поиску альтернативных юрисдикций, пользующихся доверием и обладающих не меньшим юридическим потенциалом, чем английская. В этом контексте дополнительные перспективы возникают у судов европейских государств, прежде всего Франции, Бельгии, Швейцарии. В то же время между ними также возможна конкуренция за «клиентов», заинтересованных в решении своих споров.

Каждая страна старается сформировать свои рычаги и определить потенциально сильные стороны для продвижения своей юрисдикции. Например, для США подобными рычагами выступает экономическая мощь, доллар как ведущая мировая резервная валюта, участие в разветвленной системе военно-политических союзов. Для Великобритании — исторически сложившиеся традиции правовой системы и авторитет судебных институтов, разветвленная система юридического сопровождения. Для Франции — ключевая роль в политико-правовой системе Европейского Союза, высокое качество и традиции независимости судебной системы, расположение на французской территории либо в соседних государствах основных европейских и международных судебных институтов. Россия в актив своей юрисдикции может записать центральное место в системе политических и экономических взаимосвязей на постсоветском пространстве, развитую информационно-технологическую инфраструктуру. Этими плюсами России надлежит воспользоваться.

В рамках политики усиления и продвижения своей национальной юрисдикции России надлежит внимательно анализировать процессы конкуренции и взаимодействия судебных институтов государств Европы между собой, с общеевропейскими судебными органами, скрупулезно изучать методы «диалога судей». При этом видеть и анализировать методы и последствия конкуренции юрисдикций, например, между французской и британской в условиях Brexit. Также России надлежит всемерно поддерживать усиление влияния и авторитета суда Евразийского экономического союза, наладить механизмы сотрудничества при решении споров в области гражданского оборота, поддержки экономического сотрудничества стран ЕАЭС.

Список источников

1. Au carrefour des droits: mélanges en l'honneur de Louis Dubouis, Paris, Dalloz, 2002, 901 p.
2. Briggs A. *Civil Jurisdiction and Judgments*. Seventh edition. Routledge, 2021. 1924 p.
3. Hess. The Unsuitability of the Lugano Convention (2007) to Serve as a Bridge between the UK and the EU after Brexit (Max Planck Institute Luxembourg for Procedural Law Research Paper Series). No 2018 (2).
4. Варей-Сомьер П., Гетьман-Павлова И. В. Нарушение «сверхимперативных норм» как основание отказа в признании и использовании иностранных арбитражных решений (судебная практика Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 22–42.
5. O'Neil Sean. The Times (Великобритания). Русские переносят судебные баталии в Лондон. 2018. – 28 ноября. <https://www.thetimes.co.uk/article/russians-bring-battles-tolondon-sfdqpvx97?region=global>
6. Рыжов К. Б. Инкорпорация международных актов в российское законодательство и конкуренция юрисдикций // Мониторинг правоприменения. 2012. № 4. С. 30–46.
7. Жильцов А. Н., Корабельников Б. Р. Режим «стратегических инвестиций»: новеллы или коллизии? // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 141–162.
8. French Christopher C. English Justice for an American Company? *Texas Law Revue Online*. 2018. № 97; *Penn State Law Research Paper*. No. 9-2018. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3198353>.

References

1. Au carrefour des droits: mélanges en l'honneur de Louis Dubouis, Paris, Dalloz, 2002, 901 p. (In Fran.)
2. Briggs A. *Civil Jurisdiction and Judgments*. Seventh edition. Routledge, 2021. 1924 p.
3. Hess. The Unsuitability of the Lugano Convention (2007) to Serve as a Bridge between the UK and the EU after Brexit. *Max Planck Institute Luxembourg for Procedural Law Research Paper Series*. 2018; (2).
4. Vareilles-Sommieres P., Getman-Pavlova I. Violating Super-imperative Norms as Grounds to Refuse the Recognition and Execution of Foreign Arbitrage Decisions (Judicial Practice of France and Russia *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2015;(1):22–42. (In Russ.)
5. O'Neil Sean. Russians bringf battles to London. The Times. 2018. - November 28. <https://www.thetimes.co.uk/article/russians-bring-battles-tolondon-sfdqpvx97?region=global>
6. Ryzhov K. B. Incorporation of international instruments into the Russian legislation and the competition of jurisdictions. *Monitoring pravoprimerenija = Law enforcement monitoring*. 2012;(4):30–46. (In Russ.)
7. Zhiltsov A. N., Korabelnikov B. R. The regime of «strategic investments»: novels or collisions? *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2009;(4):141–162. (In Russ.)
8. French Christopher C. English Justice for an American Company? *Texas Law Revue Online*. 2018. № 97; *Penn State Law Research Paper*. 2018. № 9. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3198353>.

Информация об авторе

В. И. Барциц – аспирант РАНХиГС.

Information about the author

V. I. Bartsits – Postgraduate Student of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.